ПСЗРИ-1 — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830.Т. 10. № 7171.

Русский биографический словарь. Т. 5 : Герберский — Гогенлоэ. М., 1916. 442 с.

Русский биографический словарь. Т. 7 : Жабокритский — Зяловский. Петроград, 1916. 588 с.

Русский биографический словарь. Т. 20 : Суворова — Ткачев. СПб.,1912. 600 с.

Русский биографический словарь. Т. 24: Щапов — Юшневский. СПб.,1912. 365 с.

Санглен Я. И. де. Записки 1776–1831 гг. // Русская старина. 1882. Т. 36. № 12. С. 443–498.

Степанов А. П. Страничка из истории воспитания в России конца прошлого века // Русская школа. 1891. № 1. С. 9–28.

Сысоев Н. «Одушевлен ревностию к службе…» : Документальное историко-биографическое исследование жизни и деятельности первого командующего внутренней стражей генерал-адъютанта Е. Ф. Комаровского. М., 2013. 560 с.

Щеблыгина И. В. Тема нравственного воспитания и образования дворянства в трудах А. Т. Болотова // Вестник Московского государственного университета. Сер. 8 : История. 2001. № 5. С. 46–61.

Эйлер А. А. Записки А. Х. Эйлера // Русский архив. 1880. Кн. 2. Вып. 4. С. 333–399.

Энгельгардт В. Е. Воспоминания о директоре Царскосельского лицея Егоре Антоновиче Энгельгардте // Русский архив. 1872. № 7. С. 1462–1491.

Энгельгардт Л. Н. Записки. М., 1997. 256 с.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб, 1892. Т. 6. Вигель (Филипп Филиппович). С. 226.

УДК 94(37)”491/518”(093.3)

А. С. Козлов

«ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИЯ» ПРИСКА ПАНИЙСКОГО КАК ПАМЯТНИК КЛАССИЧЕСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

Представленное исследование сосредоточивает внимание на следующих проблемах: признаки «Византийской истории» как позднеантичного классического сочинения; политические взгляды Приска; подчиненность реалий этого документа как позднеантичного исторического сочинения идейно-политической цели источника.

Ключевые слова: классицизм ранней Византии, исторические сочинения поздней Античности, Приск Панийский.

© Козлов А. С., 2015

По сведениям «Суды», византийского лексикона X в., писатель и деятель V в. Приск происходил из городка Панион [Suidae, p. 883], под которым обычно понимают Панион Фракийский, поскольку такие известные хронисты, как Иоанн Малала (VI в.) и Феофан (IX в.), именуют нашего автора ὁ Θρᾷξ. Так как в той же «Суде» Приск назван «софистом», а церковный историк VI в. Евагрий обозначает его в своем труде как «ритора», то можно заключить, что в арсенале нашего героя были философия и риторика. Подтверждается это и тем, что оба обозначения можно найти в ряде рукописей, содержащих фрагменты сочинения Приска [Moravcsik, S. 479; Martindale, p. 906]. В XIV в. писатель Рафаэль Волатерран назвал Приска magister epistolarum, то есть приписал ему весьма высокий чиновный ранг, однако данные, содержащиеся в самом сочинении Панийца, такого факта не подтверждают. Как известно из того же труда, Приск находился в доверительных и дружеских отношениях с должностным лицом высокого ранга Максимином, который взял его в качестве секретаря и советника в свое посольство, направленное императором Феодосием II в 448 г. ко двору Аттилы [Ensslin, S. 1–9]. Скромностью Паниец вряд ли отличался: если судить по его сочинению, то в основном благодаря его такту и дипломатическому искусству посольство было допущено к Аттиле и успешно выполнило свою задачу. Можно с уверенностью утверждать, что Максимин и Приск не подозревали о заговоре, составленном при византийском дворе против Аттилы [Thompson, p. 111, 115]. В 452 г. Приск опять состоял в свите Максимина, который на этот раз вел переговоры с сарацинами в Дамаске. В 453 г. Максимин умер, а Приск отправился в Александрию, где на тот момент происходили беспорядки в среде монофиситов. И на этот раз именно благодаря его советам византийский комит Флор сумел успокоить смуту. Вскоре после этого мы видим Приска асессором, то есть советником по правовым вопросам, при Евфимии, влиятельном магистре оффиций императора Маркиана. Известно также, что где-то до 450 г. наш герой побывал в Риме, где встречался с сыном франкского короля, прибывшим туда в качестве посла и заключавшим союз с Аэцием.

Таким образом, за период между 448 и 453 г. Приск предпринял ряд крупных и важных государственных поездок и, следовательно, уже тогда был зрелым и опытным человеком, а потому, видимо, правы те исследователи, которые относят дату его рождения примерно к 410–420 гг. Год его смерти неизвестен, но из уцелевших заключительных пассажей его труда можно сделать вывод, что она имела место после 472 г.[1]

[1] Из исследований о Приске наибольшего внимания заслуживают работы: [Morav csik, S. 479–488; Kuranc; Baldwin, p. 18–61; Blockley, 1981, vol. 1, p. 48–70, 143–

Итак, кроме риторических изысканий и писем (к сожалению, не сохранившихся) Приск написал исторический труд Ἱστορία Βυζαντιακὴ καὶ τὰ κατ' Ἀττήλαν. Именно благодаря этому сочинению, дошедшему до нас в отрывках, его автора можно уверенно причислить к кругу представителей классической грекоязычной историографии поздней Античности. Кроме того, прав Д. Бродка, считающий, что Приск не ограничивался просто сообщениями о событиях, но пытался интерпретировать их в широком политическом и историософском контексте [Brodka, 2009, S. 11]. Однозначная оценка этой попытки, однако, осложняется фрагментарностью сохранившихся разделов его труда. В то же время ясно, что в методах толкования автором исторических феноменов, в способах объективации и обобщения важную роль играла классическая paideia. То, что Паниец был софистом и ритором, также доказывают его хорошие знания греческой и, очевидно, латинской традиции. Его «История» принадлежит к тому направлению историописательских трудов, которое основали Геродот и Фукидид: она сосредоточена на военно-политической тематике, содержит речи и экскурсы, избегает религиозной проблематики и выполнена изощренно архаизированным искусственным языком. Не удивительно, что в данном случае мы имеем дело с классическим мимесисом, со стремлением к точному подражанию античным образцам[2]. Современные исследователи Приска показали, что он использовал античные клише для целых сцен и перенимал самые разные мотивы у классических авторов. Например, описание захвата Наисса гуннами в 441–442 гг. (fr. 6.2)[3] подражает известному рассказу Фукидида о взятии Платей. В соответствии с традицией архаизации этнонимов гунны то и дело именуются скифами. Использование в качестве образца соответствующих мест из труда Геродота заметно в историях о божественном мече (fr. 12; Priscus, exc. 10) и о хитрости Пероза (fr. 41.3; Priscus, exc. 33).

У своих предшественников и образцов Паниец берет и способы интерпретации событий. Например, он использует при описании некоторых сцен метод Фукидида или Геродота, чтобы дать свое, новое отражение соответствующей пассажу темы[4]. При этом наибольший интерес заслу-

150; Maltese, 1977, p. 263–279; Maltese, 1979, p. 279–321; Roberto, p. 117–159; Blockley, 2003, p. 289–315].

[2] О мимесисе в византийской литературе см.: [Hunger, 1969–1970, S. 17–38; Hunger, 1976, S.181–193].

[3] Ссылки на фрагменты из «Истории» Приска делаются мной по изданию: [Blockley, 1981, 1983]. Параллельно учитывается и новейшее издание П. Кароллы [Priscus].

[3] О влиянии Геродота на изображение Приском Аттилы см.: [Brodka, 2008, S. 227–245].

живают прагматические методы анализа политических событий. Речь не столько о непосредственно фиксируемых автором (в рамках его темы) явлениях, сколько о совокупности опыта, познавательных результатов и толкований, вплетенных в ткань «Истории» и улавливаемых на фоне описания отдельных событий или комплексов событий. Понятно, что таким образом может исследоваться рефлексия Приска, относящаяся прежде всего к концепции исторического мышления Фукидида, у которого, как известно, «прагматическая история» выступила в наиболее четкой форме.

Дошедшие до нас фрагменты сочинения Панийца начинаются с констатации смерти гуннского вождя Руа (Ругилы) и перехода власти к Аттиле и Бледе. При этом Приск рассуждает именно о переменах в гуннско-византийских отношениях. Нельзя не указать на то, что такого рода оценка событий дожила и до новейшей историографии. Так, Г. Вирт полагает, что с переговоров в Марге началась новая фаза в римско-гуннских контактах [Wirth, S. 50 u. folg.; ср.: Maenchen-Helfen, S. 134 u. folg.; Tyszkiewicz, S. 15–16]. В самом деле, Паниец упоминает далее о подчинении гуннами различных народов и подробно описывает их переговоры с византийцами в Марге. По условиям заключенного договора империя, наряду с прочим, должна была выдать «всех гуннов» (перебежчиков, пленных и т. д.) и платить дань в 700 фунтов золота в год. Кроме того, византийцам запрещалось заключать с другими варварскими народами союзы против гуннов. Такого рода прецедент стал моделью для отношений Византии и гуннов в будущем. Приск прекрасно осознает превалирование гуннов в этой ситуации и демонстрирует подобный факт предельно ясно. Особенную реалистичность данному моменту придает констатация казни прямо перед глазами византийских послов выданных римлянами детей, происходивших из знатных гуннских семей (fr. 2; Priscus, exc. 1.1). Тем самым Паниец наглядно отражает проблемы и направления политики гуннской державы, которую он наблюдает in statu nascendi [Tyszkiewicz, S. 117, uw. 4]. В отношении Византии это означало политику набегов и угроз, наращивания требований и шантажа, в отношении других варваров — политику войны и подчинения (fr. 2; Priscus, exc. 1.1). Сообщения Приска о крупных гуннских вторжениях 441, 442 и 447 гг. не сохранились, но из других источников следует, что наиболее тяжелым для империи было нашествие 447 г. Одно из гуннских войск дошло до окрестностей Константинополя, была опустошена Фракия, сокрушено всякое сопротивление [Thompson, p. 98–102]. Фрагменты «Истории» содержат лишь краткое упоминание о поражении византийской армии при Херсонесе Фракийском и сосредоточивают внимание на следствиях поражений и на условиях договора

с гуннами, заключенного в 447–448 гг.: Византия обязалась платить ежегодно 2100 фунтов золота, кроме того Аттила единовременно получил 6000 фунтов золота (fr. 9.3; Priscus, exc. 5).

В первых фрагментах сочинения Панийца Аттила, безусловно, выведен как главная фигура, определяющая описываемые события. Особенно яркими в этом смысле являются пассажи, где историк раз за разом констатирует слабость и унижение Византии. Например, fr. 9.3 оценивает мирный договор с гуннами, заключенный в 447–448 гг. Хотя практика выплаты трибута была обычной в отношениях империи с варварами, но наш историк пытается внушить, что Византия этим соглашением признала свою зависимость от гуннов. Здесь следует оговориться, что жалобы на выплату трибута являлись топосом в византийском историописании. Однако в данном случае важно не констатировать топос, а отметить черты прагматического мышления, а также соответствующие созвучия с методикой Фукидида, которая отразилась в аргументации Приска. Паниец подчеркивает огромную разницу между действительным и воображаемым ходом вещей, между голой правдой и ее официальной интерпретацией. В одном из комментариев он отмечает: ромеи хотели представить дело так, что мир они заключили по собственной воле, но в действительности они были принуждены принять все, даже самые скверные, условия из-за трусости своих начальствующих лиц (fr. 9.3; Priscus, exc. 5.4–5). Иными словами, историк подчеркивает, что события не поддаются воле и делам византийцев. Вместо того чтобы действовать (ср.: ἐθελονταὶ), они вынуждены (ср.: ἀνάγκῃ) реагировать на обстоятельства и приспосабливаться к необходимости. Такого рода ситуация, зависимость Византии от воли варваров ярко демонстрирует современнику и будущему читателю «Истории» утрату империей статуса великой державы. Приск объясняет непосредственные причины такого кризиса преимущественно военной слабостью римлян. Он пишет, что ромеи были неспособны действовать эффективно, так как их предводители были парализованы страхом (fr. 9.3; Priscus, exc. 5.5; ср.: fr. 11.2; Priscus, exc. 8.101). Отсутствие разделов, описывающих ход военных действий, не позволяет судить, насколько автор обосновал такое суждение, но здесь, безусловно, имеет место упрощение реакции и редуцирование событий до традиционной объяснительной схемы. Д. Бродка полагает, что в данном случае Паниец, формулируя таким способом свое мнение и констатируя разницу между действительным и кажущимся, между официальной позицией и подлинным состоянием дел, исходит из метода мышления Фукидида, использованного при анализе причин Пелопоннесской войны. Ведь Фукидид видел разницу в причинах и поводах к войне и полагал, что подлинной причиной был рост могуще-

ства Афин и страх Спарты перед все более набирающей силу Афинской архе. Официально озвученные причины, а именно спор между Коринфом и Керкирой, отпадение коринфской колонии Потидеи от Афинского союза (то есть события, непосредственно приведшие к началу военных действий), были, по Фукидиду, лишь поводами к ним [Brodka, 2009, S. 14]. Внимания в этом межтекстуальном диалоге, по мнению Д. Бродки, заслуживают «субтильные различия», которые внимательный читатель может уловить в этих двух рассказах. Приск заимствует только определенные аспекты Фукидидовой аргументации, а сам Фукидид рисует сложную картину расстановки политических сил, которая с неизбежностью ведет к столкновению [Brodka, 2009, S. 14]. Классическая схема в данном случае фиксирует древнюю великую державу (Спарту), а параллельно — динамично возвышающегося конкурента (Афины). Древняя держава страшится утратить свои позиции, новая хочет расширить свое влияние. Конфликт интересов и рост напряжения между этими двумя типами стремлений неизбежно ведет к войне. Фукидид формулирует подобную схему-парадигму в начале своего труда, когда отделяет долгосрочные причины конфликта от сиюминутных поводов к нему. Следует заметить, что такие видные историописатели, как Полибий и Дион Кассий, использовали эту парадигму в своих сочинениях, по сути ничего в ней не меняя [Brodka, 2009, S. 15]. Приск поступает иначе и вносит в данную схему серьезные коррективы, чтобы приспособить ее к новой исторической ситуации, и прежде всего к новому типу событий.

Конечно, у нашего автора речь идет также о столкновении двух великих держав – древней (Римская империя), пытающейся сохранить status quo, и новой, динамично развивающейся (гунны). Однако исходный пункт в этом осмыслении ситуации — иной, нежели у Фукидида: речь идет не о процессе, ведущем к войне, а о ситуации, явившейся следствием военных конфликтов. При описании факторов, формирующих ткань истории, Приск действует как Фукидид: он указывает на неизбежность того или иного события и констатирует, что страх определяет политические действия империи как древней державы. Но, в отличие от Фукидидовой Спарты, Восточный Рим Приска принуждается не к борьбе за сохранение гегемонии, а к капитуляции. Отсюда определенная ирония и критика в адрес властей предержащих: проигранная война неизбежно требует перемены статуса обоих конкурирующих держав.

Совокупность такого рода соображений и выводов Панийца позволяет утверждать, что классицизм «Византийской истории» не ограничивается подражательством Геродоту или Фукидиду, но творчески перерабатывает историографическую традицию и преподносит собствен-

ную интерпретацию происходившего[5]. Фукидид, таким образом, дает ему только систему ориентиров, чьи элементы используются по мере потребности. В этом случае явно нет места для аналогичного заимствования Фукидидова анализа. Творчески перерабатываемая литературная традиция позволяет позднеантичному историку сделать понятным и зримым как индивидуальное, так и общее в событиях, объединенных единой темой. Ибо в своем изображении римско-гуннского конфликта Приск разбирает, наряду с прочим, именно универсальную проблему — противостояние между двумя могучими державами и смещение политического центра силы.

В другой части fr. 9.3 центром внимания становятся этнические вопросы и рисуется картина морального разложения дворцовой элиты, не обращающей внимания на тяжелое положение государства и растрачивающей свои деньги не на укрепление армии, а на постыдные и легкомысленные развлечения. Вследствие такого рода вещей Восточная Римская империя вынуждена платить трибут не только гуннам, но и другим варварам. В этом ключе нельзя не учитывать справедливое мнение Э. Томпсона, увидевшего в сопровождающей этот грустный вывод картине несчастий и нужд сенаторов (вынужденных платить высокие налоги) отражение симпатий историка к этому сословию [Thompson, p. 192–193]. З. В. Удальцова выражается несколько осторожнее: она пишет об определенной мере сочувствия Приска бедствиям «именно сенаторской аристократии и высшей знати империи» [Удальцова, с. 60]. Изображение плачевного состояния государства дополняется жалобой на то, что казна оказывается исчерпана вследствие подобного мирного договора, а перебежчики либо выданы гуннскому царю, либо убиты самими римлянами (fr. 9.3; Priscus, exc. 5.7–8). В этой демонстрации обедневшей, униженной, побежденной и ненадежной для перебежчиков империи, по мысли Д. Бродки, проступает «классическое декадентское мышление», а развращенность элиты претендует на роль главной причины слабости империи [Brodka, 2009, S. 16]. Таким

[5] По проблеме классицизма в позднеантичном историописании последние наиболее глубокие наблюдения — в монографии А. Калделлиса [Kaldellis, p. 17–61]. На примере творчества Прокопия Кесарийского Калделлис справедливо отмечает, что классицизм в трудах позднеантичных историков не ограничивался подбором лексики или литературными приемами. Для подлинного понимания их трудов следует учитывать и «трансисторический» контекст классического историописания [Brodka, 2009, S. 15, Anm. 10]. Видимо, несколько односторонне по данному поводу рассуждает Р. Блокли [Blockley, 2003, p. 302–303], который сужает классицизм Приска до обыкновенного цитирования им своих предшественников или до реминисценций такого же рода.

образом, Приск характеризует время Феодосия II как фазу не только военного, но и морального распада Восточного Рима. Однако распад этот относителен. Резким контрастом к уступчивости правительства оказывается, например, достойное поведение граждан Асема, которые не испугались угроз Аттилы и спасли плененных гуннами людей (fr. 9.3; Priscus, exc. 5.10–11). Иными словами, Паниец воспринимает современный ему кризис в моральных категориях, то есть как недостаток тех добродетелей, которые были нужны для учреждения актуального строя империи. Особенно четко это выражено в критике того, что мы называем социальной обстановкой, в знаменитом разговоре историка с неким греком, которого он встречает в гуннской резиденции (fr. 11.2; Priscus, exc. 8.94 sq.) [см. об этом: Baldwin, p. 40–41; Blockley, 1981, p. 59].

В связи со всем сказанным заслуживает внимания фрагмент fr. 10 (Priscus, exc. 6), который описывает ситуацию, скорее всего, после заключения мира с гуннами. По Приску, Аттила несколько раз отправлял послов в Константинополь и требовал выдачи перебежчиков. Все четыре посольства были приняты, а послы осыпаны милостями императора (из страха разрушить хрупкий мир). Как пишет автор, Аттила использовал щедрость римлян и посылал к ним тех из своих, кого хотел наградить. Отсюда — оценка Приском таких действий гуннского правителя как способа унизить римлян. Тем не менее они повиновались приказам Аттилы и отнеслись к нему как к своему господину. В самом деле, по Приску, Аттила полностью осознает свое превосходство. Когда планы убийства гуннского царя оказываются раскрыты, последний якобы отправляет Феодосию II письмо, где называет императора чуть ли не своим подданным и рабом, ибо император платит ему дань (fr. 15.2; Priscus, exc. 12.2–3).

Аттила неоднократно отмечает свое превосходство над императором или по крайней мере свое равенство его положению (fr. 11.2; Priscus, exc. 8.7–8). Таким образом, автор «Византийской истории» характеризует предводителя гуннов как правителя, осознанно выдвигающего державные притязания и постоянно стремящегося подтвердить свой престиж и политический статус. Называя Аттилу despotes по отношению к императору, Приск не только вносит новый элемент критики по адресу поведения Феодосия II, но и подчеркивает нарушение политического равновесия между двумя державами.

Во фрагменте fr. 10 византийская политика также определяется страхом. Неоднократным повторением мотива страха как черты поведения империи при Феодосии II Приск создает впечатление вынужденного обрушения римской гегемонии. С этой позиции историк рассматривает дальнейшую перспективу событий и отмечает, что в данное время импе-

рия испытывает угрозу чуть ли не со всех сторон — со стороны персов, вандалов, исавров, сарацинов и эфиопов[6]. В такой сложной внешнеполитической ситуации империя не в состоянии дать должный отпор всем одновременно. Поэтому, делая уступки гуннам, она пытается отразить других варваров. Здесь Приск не ограничивается моралистическим суждением, а признает сложную стратегическую ситуацию, в которой оказался Константинополь. В данном случае он опять-таки обращается к категориям анализа, проделанного Фукидидом, но уже для того, чтобы обозначить проблему подъема и упадка империи.

«Византийская история» дает понять, что Аттила отправляет в Константинополь посольства, дабы подтвердить и укрепить свою гегемонию. С этой же целью он изыскивает новые и новые предлоги, способные спровоцировать войну (fr. 10; Priscus, exc. 6.3). Однако, в отличие от Фукидида (Thuc., I, 23. 6), Приск не проводит различия между подлинными и официально декларированными причинами конфронтации, а настоятельно подчеркивает, что aitiai, как и prophaseis, служат гуннскому царю предлогом для содействия своей гегемонии и своему превалированию над империей. Наряду с понятиями aitiai и prophaseis еще одним мотивом, который может восходить к Фукидиду, является вышеотмеченный страх византийских вельмож перед врагом. Однако совершенно ясно, что значение отдельных понятий у Приска не идентично их содержанию у Фукидида. Под πρόφασις он понимает «предлог», «мнимую причину», что соответствовало бы αἱ δ’ ἐς τὸ φανερὸν λεγόμεναι αἰτίαι Фукидида. В качестве понятия «причина» Приск, напротив, использует термин αἰτία, в то время как Фукидид прибегает в данном случае именно к термину πρόφασις. Таким образом, Паниец берет у Фукидида категории аргументации, частично изменяет их содержание, придает им новые акценты — и в результате таких операций с текстом выносит римско-гуннские отношения на универсальный, общеисторический уровень. В то время как Фукидид показывает, каким образом дело идет к конфликту между двумя державами, Приск размышляет о том, что происходит, когда древняя империя оказывается побежденной. Несомненно, в подобном изощренном способе описания и интерпретации можно уловить иронию, которая рождается из разницы между положением Спарты (как его преподносит Фукидид) и положением Константинополя (как его преподносит Приск). Ведь в обоих случаях решения и действия обоих субъектов определяет их страх. Однако в дни Приска страх ведет не к борьбе за сохранение своего державного

[6] Об историческом контексте этого пассажа см.: [Croke, p. 297–308; Blockley, 1981, p. 64–65].

статуса, а к уступкам в силу воли победителя. Испытывая угрозу со всех сторон, Восточный Рим уже не находится в равном положении со своим противником. Контролирует события не Константинополь, а Аттила. Спорные вопросы, поднятые на переговорах и оцениваемые в контексте «Византийской истории» как надуманные, Паниец считает всего лишь инструментами, с помощью которых Аттила стремится претворить в жизнь свои великодержавные интересы. В этом ключе следует подходить и к пассажу о многочисленных судах, собранных гуннами на Дунае. С их помощью на другой берег должны были переправиться гуннские отряды, ибо Аттила якобы хотел устроить там охоту. По Приску, царь тем самым готовился к новой войне — под тем предлогом, что римляне выдали не всех перебежчиков (fr. 11.2; Priscus, exc. 8.17–18).

Весьма возможно, что Приск хотел продемонстрировать серьезный поворот во внешней политике Константинополя после смерти Феодосия II. В самом деле, четвертая книга его труда, вероятно, завершалась констатацией кончины этого императора, проводившего по отношению к гуннам политику соглашательства. Согласно Приску, Феодосий даже собирался потребовать у западноримского правителя Валентиниана III, чтобы тот выдал за гуннского царя свою сестру Гонорию (fr. 17; Priscus, exc. 62). Пятая книга, скорее всего, начиналась с описания начала царствования Маркиана [Blockley, 1981, p. 169]. Последний взял более жесткий курс во внешней политике и прекратил выплату трибута гуннам. Он был готов достойно ответить на возможное вторжение варваров (fr. 20.1; Priscus, exc. 15). Иными словами, Константинополь пытался вернуть прежний престиж и великодержавный статус. Подобная решимость как Западной, так и Восточной Римской империи кладет конец гуннскому доминированию и провоцирует Аттилу к подтверждению своих позиций. Согласно описанию обстоятельств гуннского удара по Западной империи можно полагать, что мотивы Аттилы, по Приску, были мотивами политического прагматика, а не идеалиста. Паниец подробно излагает аферу Гонории, чтобы показать, что она лишь обеспечила гуннского царя предлогом к вмешательству в дела Запада, а следовательно, к войне. На этот раз Аттила нацелился не только на Римскую империю, но и на вестготов и франков. В каждом отдельном случае гуннский царь находил предлог для придания правомерности своим действиям (fr. 20.1; Priscus, exc. 15; fr. 20.3; Priscus, exc. 16). Историк называет эти предлоги: используя призыв Гонории, он легитимизирует нападение на Западную империю; стараясь достичь взаимопонимания (или союза) с вандалами, атакует вестготов, а для войны с франками использует их внутренние неурядицы [подробнее см.: Brodka, 2008].

Следует, однако, учитывать, что изображение действий Аттилы Приском лишь частично восходит к образцам, выполненным Фукидидом. Характеризуя гуннского царя, историк прибегает также к помощи Геродота. Паниец изображает его как владыку, задумавшего покорить весь мир, но вследствие своих успехов обуянного крайней дерзостью [Brodka, 2008]. Помимо этого Приск анализирует деяния гуннского предводителя через иррациональные категории, в частности прибегая (возможно, под влиянием мыслей Полибия) к понятию рока, которое часто использовалось в греческом историописании со времен эллинизма. В результате величие Аттилы становится творением капризной Судьбы, кратким, как сама его жизнь.

Таким образом, разбирая личность и деяния гуннского царя, историк обращается к категориям, восходящим к самым разным направлениям историографической традиции. Однако, зная Аттилу лично, Приск не довольствуется чисто литературными приемами и мотивами. Он рисует портрет решительного, рационального, коварного, часто жестокого и надменного, но часто и весьма делового политика, способного не только прибегать к грубой силе, но и прощать, демонстрируя личную человеческую простоту (fr. 9.3; 13.1; 15.4; Priscus, exc. 5.13; 8.76; 15). Этот Аттила — уверенный в себе властелин, который хорошо знает, чего хочет, и прекрасно ориентируется в сложной политической игре. На примере Аттилы и его державы ранневизантийский историк, следуя греческой историографической традиции, наблюдает за новой попыткой пришедшего с Востока деспота покорить весь мир. Подобно Ксерксу, как его описал Геродот, Аттила хочет покорить Запад и в конце концов терпит неудачу (при тех же обстоятельствах, как и царь персов). Но необычайно быстрый и успешный взлет Аттилы Приск объясняет прежде всего феноменом Тюхе. Подъем и распад державы гуннов под пером нашего историка становятся примером неустойчивости и сомнительности человеческих достижений и переменчивости вещей. Таким образом, в мировоззрении Приска можно видеть не только прагматические, но и метафизические и идеалистические черты.

Элементы прагматического анализа можно найти и в пассажах о римско-вандальских отношениях. Примечательна в этом отношении и информация о смерти Аэция и императора Валентиниана III, а также об обстоятельствах взятия Рима Гейзерихом (fr. 30; Priscus, exc. 71; ср.: [Ioannis Antiocheni, fr. 224.1]). Хотя Р. Блокли и П. Каролла выразили некоторое сомнение в принадлежности всего этого рассказа Приску, но У. Роберто убедительно доказал, что для Иоанна Антиохийского в данном случае источником был именно Паниец [Roberto, p. 117–118]. Кроме того, сам характер рассказа и интерпретации происходившего очень схожи с теми пас-

сажами Иоанна, которые явно восходят к «Византийской истории». Прежде всего, политика Гейзериха изображается в тех же категориях, что и политика Аттилы. Историк принципиально сосредоточивает внимание на мотивациях ведущих политических фигур. Смерть Аэция (который называется τεῖχος τῆς… ἀρχῆς) он считает критическим моментом в истории Западной Римской империи[7]. Эта трагедия повлекла за собой цепь событий, которые увенчались взятием вандалами Рима в 455 г. (fr. 30.1; Priscus, exc. 69), а следовательно — установлением вандальской гегемонии в Средиземноморье. Иначе говоря, гибель такого значительного государственного мужа, как Аэций, ведет к бессилию Рима и усилению короля вандалов (fr. 30.1; Priscus, exc. 71). Характеристика Аэция как препятствия к претворению в жизнь планов врагов Рима имеет место уже в сообщении о подготовке Аттилой нападения на Западную империю (fr. 17; Priscus, exc. 62; ср.: [Ioannis Antiocheni, fr. 224]). Эта мысль повторяется в рассказе об агрессивных действиях Гейзериха [Roberto, p. 133–134]. Король вандалов оценивает смерть Аэция как благоприятный поворот событий (fr. 30.1; Priscus, exc. 71), то есть ведет себя абсолютно прагматично: поскольку Аэций и Валентиниан III, лица, подписавшие мирный договор 442 г., мертвы, то и договор более не действителен. Однако решают здесь соображения чисто утилитарные: новый император Запада слаб и не располагает достойными внимания вооруженными силами (fr. 30.1; Priscus, exc. 69). Правда, в то время имел место и слух, что императорская вдова Евдоксия, вынужденная выйти замуж за Петрония Максима, поощряла Гейзериха к нападению на Италию. Однако фраза οἱ δὲ φασι говорит о том, что историк дистанцировался от этой версии событий [Blockley, 1983, p. 393; Roberto, p. 140]. Таким образом, все нюансы данного фрагмента «Византийской истории» вполне имплицируют и тот факт, что Гейзерих воспользовался случаем для нападения на Рим просто ради добычи [Henning, S. 22]. Подобно Аттиле король вандалов совершенно не брезгует использовать слабость империи (ср.: fr. 31.1; Priscus, exc. 24). Гейзерих чувствует себя настолько сильным, что не испытывает никакого страха даже перед лицом войны с Восточной Римской империей (Ibid.). Д. Бродка полагает, что, описывая осознающего свою силу Гейзериха и его бескомпромиссность, Приск мог мысленно обращаться к изображению Фукидидом жесткости афинян при переговорах накануне Пелопоннесской войны [Brodka, 2009, S. 22, Anm. 28]. Получается, что Гейзерих, как и Перикл накануне развертывания боевых действий, был готов осуществить свои планы с помощью войны.

---

[6] Об отношении Приска к Аэцию см.: [Zecchini, p. 26–27].

В сохранившихся фрагментах «Византийской истории» можно найти лишь слабые намеки на политические цели Гейзериха. Только во фрагменте fr. 38.1 (Priscus, exc. 29), касающемся событий более поздней фазы римско-вандальского противостояния (то есть после смерти императора Майориана в 461 г.), есть намек, что Гейзерих якобы хотел сделать императором Запада Олибрия из-за их родственных связей [об этом см.: Henning, S. 48]. Здесь Приск следует той же схеме, что и при описании политики Аттилы. Опять-таки в духе Фукидида он проводит различие между подлинными намерениями вандалов (возведение Олибрия на императорский трон) и официально объявляемыми причинами (требование имущества Аэция и Валентиниана) (fr. 38.1–2; Priscus, exc. 29). Паниец прямо пишет о стремлении вандальского короля скрыть свои истинные намерения, о требовании им невозможного, дабы иметь повод продолжать войну и опустошать берега Италии (fr. 39.1; Priscus, exc. 30.3–4). С помощью подобного приема изложения событий Паниец пытается выявить истинный ход дел и определяющие их факторы: он показывает, что Западная империя была просто слаба и не имела достаточно сил для эффективного сопротивления вандальскому флоту. Право сильного изображается, таким образом, как универсальный закон: благодаря своей силе Гейзерих, подобно афинянам Фукидида, обладает возможностью шельмовать более слабого и поступать с ним по своему усмотрению.

Нельзя также не отметить, что здесь Приск видит, кроме всего прочего, и катастрофические последствия разделения Римской империи (fr. 39.1; Priscus, exc. 30.4).

В итоге можно сказать, что автор «Византийской истории» был не только дипломатом, способным красочно нарисовать картину современной ему обстановки, но и знатоком греческой историографии. Не только опыт, но и классическое образование повлияли на методы, которыми он пользовался при описании событий. Однако Приск не был пассивным подражателем классической традиции. Он обращается к историографическим приемам предшественников абсолютно сознательно и пытается, используя их литературный и дидактический потенциал, создать нечто новое и актуальное. Традиционные методы историописания одарили его основательным и многообразным инструментарием. Отсюда его способность излагать историю как в иррациональных категориях, так и в прагматических. В этом его прагматизме просматриваются черты метода, изобретенного Фукидидом. Многообразно используя историописательский инструментарий Фукидида, применяя редукцию, варьирование или переосмысление его приемов, Приск смог поднять и интерпретировать актуальные вопросы современности. На фоне описания борьбы Рим-

ской империи с гуннами и вандалами он пытается сделать исторически релевантные выводы и указать на пластичные исторические феномены, которые мы сегодня называем закономерностями. Он фиксирует такие универсалистские проблемы, как разрушение старого политического порядка, смещение центров политической гегемонии, столкновение между великими державами, их подъем и упадок. Он задумывается о том, что порождает политические решения и как вершится большая политика. Как опытный дипломат и политик, способный усвоить опыт прошлого, он постоянно отмечает необходимость различать подлинные мотивы и причины политических поступков и их официальную интерпретацию. В быстро меняющейся современной обстановке он констатирует превалирование права сильного.

Однозначная оценка исторического метода Прииска была бы несостоятельна, ибо сохранившиеся фрагменты его труда дают возможность определить только базовые моменты для понимания его мышления и творческих приемов. Однако даже эти фрагменты показывают, насколько могла быть жизненной и интеллектуально высокой позднеантичная классическая историография.

Удальцова З. В. Мировоззрение византийского историка V в. Приска Панийского // Византийский временник. 1972. Т. 33.

Baldwin B. Priscus of Panium // Byzantion. 1980. № 50.

Blockley R. C. The Development of Greek Historiography: Priscus, Malchus, Candidus // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D. / ed. G. Marasco. Leiden ; Boston, 2003.

Blockley R. C. The Fragmentary Classicizing Historians of Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Vol. 1. Liverpool, 1981 ; Vol. 2. Liverpool, 1983.

Brodka D. Attila, Tyche und die Schlacht auf den Katalaunischen Feldern. Eine Untersuchung zum Geschichtsdenken des Priskos von Panion // Hermes. 2008. No. 136.

Brodka D. Pragmatismus und Klassizismus im historischen Diskurs des Priskos von Panion // Jenseits der Grenzen. Beiträge zur spätantiken und frühmittelalterlichen Geschichtsschreibung (Millennium — Studien zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. Bd. 25) / Hrsg. W. Brandes, A. Demandt, H. Krauser, H. Leppin, P. von Mollendorf. Berlin ; N. Y., 2009.

Croke B. The Context and Date of Priscos' Fragment 6 // Classical Philology. 1983. No. 78.

Ensslin W. Maximinus und sein Begleiter, der Historiker Priscus // Byzantinisch — Neugriechische Jahrbücher. 1926. No. 5.

Henning D. Periclitans res publica. Kaisertum und die Eliten in der Krise des Weströmischen Reiches 454/493 n. Chr. Stuttgart, 1999.

Hunger H. On the Imitation (ΜΙΜΗΣΙΣ) of Antiquty in Byzantine Literature // Dumbarton Oaks Papers. 1969–1970. P. 23–24.

Hunger H. Thukidides bei Ioannes Kantakuzenos. Beobachtungen zur Mimesis // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1976. Bd. 25.

Ioannis Antiocheni Fragmenta quae supersunt omnia / Rec. S. Nariev. Berlin ; N. Y., 2008.

Kaldellis A. Procopius of Caesarea. Tyranny, History and Philosophy at the End of Antiquity. Philadelphia, 2004.

Kuranc J. De Prisco Panita, rerum scriptore quaestiones selectee. Lublin, 1958.

Maenchen-Helfen O. J. Die Welt der Hunnen. Eine Analyse ihrer historischen Dimension. Wien ; Köln ; Graz, 1978.

Maltese E. V. A proposita dell'opera storica di Prisco di Panion // Quaderni si storia. 1979. No. 9.

Maltese E. V. Note et osservazioni sul testo di Prisco di Panion // Helikon. 1977. No. 17.

Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2 : A. D. 395–527. Cambridge, 1980.

Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. 1. Berlin, 1958.

Priscus Panita. Excerpta et Fragmenta / ed. P. Carolla (Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Latinorum Teubneriana). Berlin ; N. Y., 2008.

Roberto U. Prisco e una fonte romana del V secolo // Romanobarbarica. 2000–2002. Vol. 17.

Suidae Lexicon / Rec. 1. Bekkeri. Berolini, 1854.

Thompson E. A. The Huns. Oxford ; Cambridge (Mass.), 2006.

Tyszkiewicz L. A. Hunnowie w Europie. Ich wpływ na Cesarstwo Wschodnie i Zachodnie oraz na ludy barbarzyńskie. Wrocław, 2004.

Wirth G. Attila. Das Hunnenreich und Europa. Berlin ; Köln, 1999.

Zecchini G. Aezio: l'ultima diffuse dell' occidente romano. Roma, 1983.

УДК 94(47).065/066:373.3

О. С. Кравченко

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ О ГАРНИЗОННЫХ ШКОЛАХ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

В статье впервые анализируются законодательные и нормативные акты, регламентировавшие организацию гарнизонных школ, самого крупного вида учебных заведений России во второй половине XVIII в. Раскрываются изменения программ, обеспечения школ.

Ключевые слова: законодательство, Полное собрание законов Российской империи, гарнизонные школы, солдатские дети, финансирование школ.

Нами были охарактеризованы законодательные и нормативные акты, регламентировавшие деятельность гарнизонных школ в 1720–1740-х гг. [см.: Сафронова, Кравченко; Кравченко]. Показано, что за 30 лет (1721–

© Кравченко О. С., 2015